

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

Сергей КОЗЛОВ КОГДА УСТАЛИ СНЕГА...

О книге Андрея Шацкого «Первозимье»

Со стихами выдающегося русского поэта Андрея Шацкого я познакомился ещё задолго до того, как познакомился с самим поэтом, хотя нас связывает многолетняя дружба и совместные проекты. Стихи Андрея пришли ко мне со страниц толстых литературных журналов и сразу стали «моими». Так же, как когда стали «моими» стихи Николая Рубцова, Юрия Кузнецова, Глеба Горбовского... Андрею Шацкову удаётся то, что удаётся очень немногим, правильнее сказать, единицам – он умеет совмещать в триедином пространстве стиха народность, интеллектуальность, историзм. И – главное – находит в этих трёх определяющих золотое сечение. Его стихи трогают до глубины души, тревожат сердце, легко становятся песней или ораторией, они корнями в Куликовом поле, но вздымаются в бездонное Русское Небо...

«Первозимье» - поздняя, во многом выстраданная книга поэта. Она рождалась буквально на моих глазах. С одной стороны, первый снег приносит в этот суетный мир очищение, с другой – у Шацкого «усталые снега», бесснежные зимы, и «Реквием задержавшейся зиме», и снег в своём падающем множестве и множественном значении застывающего на полгода Евразийского пространства.

И мне осталось — верить в снегопад,
Который начался подобно чуду,
Чтоб тихо падать сорок дней подряд,
Покуда я любовь не позабуду!

Настоящая, живая поэзия врывается в сознание читателя с такой силой, что делает его не только сопричастным пейзажу или переживанию автора, его боли и его радости, она вызывает стойкое ощущение собственного чувства. Да, это сказал, это пропел другой человек, но сказал так, как будто это сделал ты сам, как бы хотелось сказать тебе. И ты либо погружаешься в наш русский Сугробию, в кондовую Избанию... Либо, как всякое живое существо на этой планете, ждёшь нового витка жизни, ждёшь весны...

Зима не уходит. Под Рузой сугробы в лесу.
И ночью за окнами светят морозные звёзды...
Вот-вот Благовещенье. Пасха, глядишь, на носу.
Но грают вороны и рушат грациные гнёзда.
И грозен пра-птицы зимой замороженный зрак.
И северный ветер несёт и несёт свои хлопья.
Никак не наступит весна, не наступит .никак!
И смотрят грачи в ледящую даль исподлобья.
Мне в суетном марте хватило метелей сполна,
И ждать половодья отбило любую охоту.
Когда же медведи очнутся от вечного сна?
Когда же возьмутся капли с утра за работу?

Потому что:

И будет март! И станет жизнь ясней
В небесной сфере и в земной юдоли.
И поменяет загнанных коней
Моей судьбы, Вершитель на престоле,
Который серафим и херувим
Несут на крыльях огненного света...
Настанет март! И будет Третий Рим
Палить снега из Ветхого завета
В багряном зное Масляны костров,
Вещающих кончину зимней стужи.
Настанет март — и посреди дворов
Заплещут отражённой синью лужи.

Как раз в этом отрывке ярко наблюдается умение поэта сочетать глубинный, вселенский смысл бытия с почти пасторальным пейзажем. В книге, после зимней части есть и март, и апрель, и май, и лето, и осень... Наверное, её с таким же успехом можно было назвать «Времена года», но поэт останавливается на «первозимье», потому что это его ощущение болящего, тронутого вселенским холодом и смертями близких людей сердца. Именно того сердца, которое выплескивает на бумагу чудесные строки. В последней своей части «Первозимье» - это реквием. Совсем недавно поэт потерял взрослого, ещё совсем молодого сына... Стихи, посвящённые сыну, заставили плакать тех, кто впервые увидел их в интернете, в «Литературной газете», потому что подлинная боль, зарифмованная или отлитая в прозу, становится болью общей, становится болью читателя.

Я бы много мог сказать о знании поэтом русской истории, о тех словах и символах, что перетекают из глубины веков в его строфы. О настоящем – непроходимом Православии, когда из строфы смотрит на тебя любящий лик Богородицы, когда по русским полям идёт великий молитвенник Земли Русской святой Сергей Радонежский, или скачут свозь лес сакмагоны, впереди дружины Дмитрия, которому предстоит стать Донским... И есть в этой книге стихотворение, которое Андрей Шацков привёз из родного нам Тобольска. Дышит в этой книге наша Сибирь.

Многие знают, что после смерти сына поэт хотел замолчать. Выплакав боль и душевный свет в «Первозимье», он и сейчас не оставляет мысли об этом обете. Но сам мир Божий заклинает его: пой! Ведь находит он в себе силы почти ежегодно радовать читающую Россию выходом в свет редактируемого им альманаха «День Поэзии», редакция которого удостоена Государственной Премии... И, хотя, как пишет сам Андрей Шацков «время вышло», мы будем терпеливо ждать новых стихотворений, новых книг...

А пока... пройдитесь по «Первозимью», подержите в руках и первый и усталый снег, вдохните русских просторов, погрузите себя в Слово... Время вышло, но время жить, время любить, время ждать, время читать и наполняться живым словом никто не отменял. И пусть: «Холода... Россия... Первый снег... Исповедь печальная поэта». Но есть высшая весна, как пасхальная песнь, которую вы тоже найдёте в этой книге. Время вышло, но время ещё есть...

ВРЕМЯ ВЫШЛО

Время — вышло. Хлопнув дверью, вышло.
На пороге пальцем помяня,
Грустью глаз заворожённых — вишня,
Проводи в далёкий путь меня.
Ты прости, прощай — грядут морозы.
Вороньём на Русь слетелась мгла...
Далеки июньские стрекозы.
Яуза от стужи замерла.
Всё в былом и ничего не надо?
Память половицей не скрипит?
Низкая железная ограда.
В ожиданье сына мама спит.
А в стране, что залегла по пояс
В зимние, холодные снега,
Ты живи, ничем не беспокоясь.
Лишь живи — и вся тут недолга!